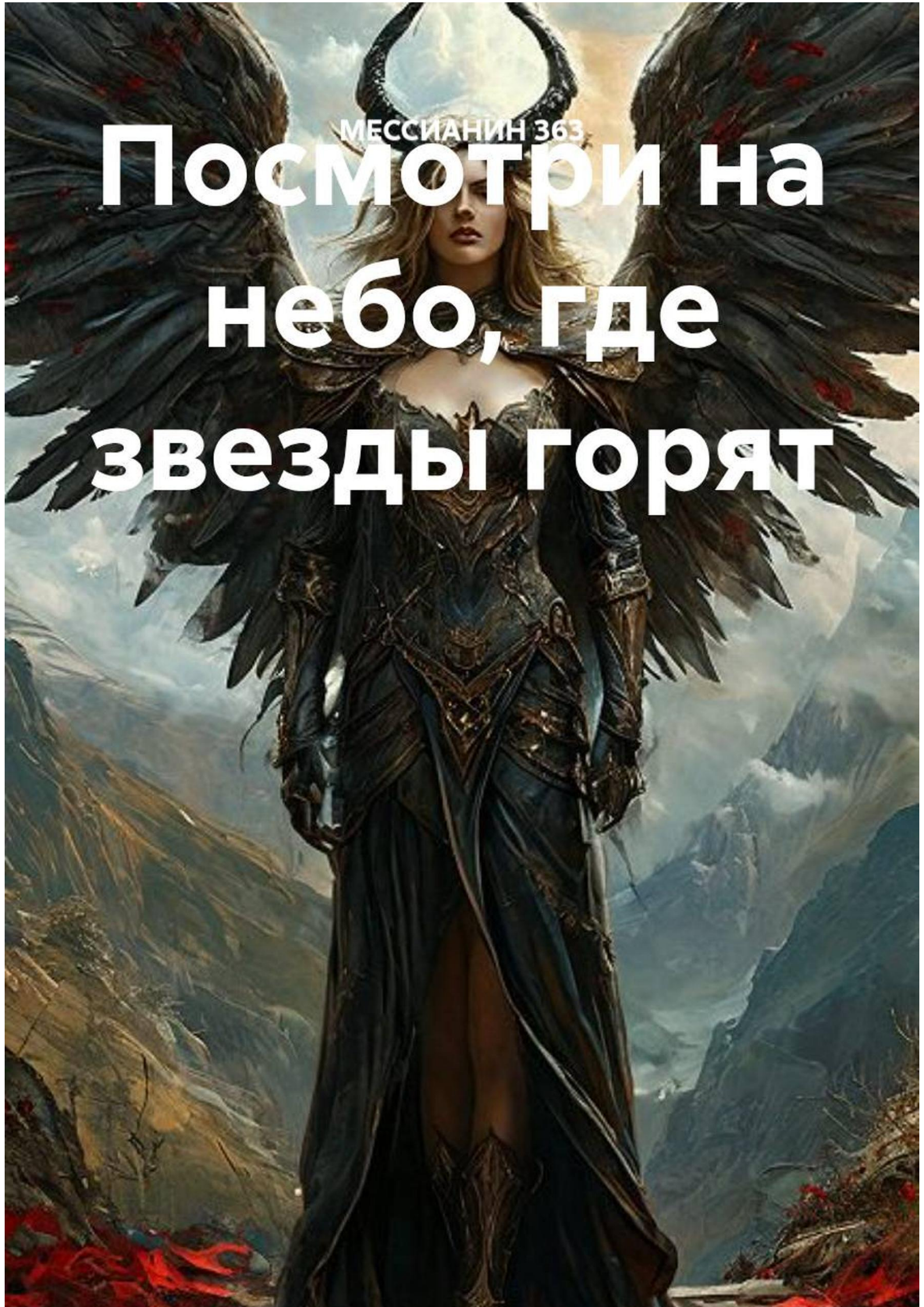

МЕССИАНИН 363

Посмотри на небо, где звезды горят

МЕССИАНИН 363

**Посмотри на небо,
где звезды горят**

«Автор»

2025

363 М.

Посмотри на небо, где звезды горят / М. 363 — «Автор», 2025

Люцифер, первоначально преданный Богу, постепенно утрачивает уверенность в своём выборе и чувствует растущую потребность в самостоятельности. Его внутренний конфликт отражает универсальное человеческое стремление к индивидуальности и свободе. Образ Лилит символизирует женскую независимость и свободу воли, бросающую вызов традиционным представлениям о роли женщины. Отдельные герои романа сталкиваются с проблемой одиночества, которое проявляется в разных формах: разочарование, утрата веры, борьба. Книга поднимает вопросы бытия и существования, исследуя связь индивидуального восприятия мира с глобальными философскими концепциями. Через сюжет и символы раскрывается природа человеческого одиночества, демонстрируя, что именно оно способствует раскрытию глубинных аспектов личности и обретению мудрости. Роман вдохновляет читателей задуматься о собственном месте в мире, ценности индивидуальных выборов и значимости духовного роста.

Содержание

Глава 1: Там где мы были, остались воспоминания.	5
Глава 2: Воспоминания минувших лет.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

МЕССИАНИН 363

Посмотри на небо, где звезды горят

Глава 1: Там где мы были, остались воспоминания.

Часть 1: Кто ты, призрак?

Повеял холодок — странный, ничем не спровоцированный. Двери и окна были заперты наглухо, полы притёрты к горячим трубам, стены заколочены брёвнами так, что не осталось ни единого шанса быть услышанными. Древесина стен лишённая жизни, и звук, ударяясь о него, кружил, замыкаясь в кольцо, не в силах вырваться наружу. Казалось, сама пустота порождала лёгкий дымок, исходящий из рта.

Чувства притупились и сжались, словно старый настенный ковёр. Они игнорировали чьё-то присутствие — присутствие странного человека. В нём, казалось, не было ничего потустороннего: простой человек в тёмных очках, с грубоватым лицом лесника из глухой провинции. Его шероховатая кожа, изборозждённая морщинами, словно говорила сама по себе: в неё читался инстинкт выживания обусловленные суровой жизнью и трагической судьбой.

Кто вообще мог выжить в эту белоснежную бурю, что извергала тонны снежного пепла уже несколько дней подряд? Природа разложила по полю толстые одеяла из снега, рождённые из первозданной красоты, что таится в самой её глубине. Далеко не такая нежная, как может казаться, если не унять её своеобразный нрав. Природа эта живая, как и живые создания планеты, как и её обитатели — люди, именующие себя людьми.

Человек крайне интеллигентно обратился к двум людям, прося поговорить о состоянии их душ. Он чувствовал неладное — будто они горят изнутри. Но как это возможно, когда кругом снег и лютый мороз?

«Душа, — говорил он, — это не вещь и не абстракция. Её нельзя взять в руки, потрогать или втиснуть в научные гипотезы. Она не материальна. Взгляд не уловит её, а разум не заключит в формулы. Она не глина: её не слепишь и не преобразуешь по воле. Но она — великолепный сосуд, сочетающий выдержку и броню против мощи чувств и эмоций, что терзают человека. Нельзя познать душу вообще она сугубо индивидуальна. Дарована каждому наедине, и лишь сам человек способен ощутить её прикосновение — через глубину переживаний или силу чувства».

Он повернулся к двум лесникам и представился как Предвестник. Высокий и стройный, он резко контрастировал с крупными боролатыми лесниками, от которых пахло хвойной смолой и свежим снегом их одежда была покрыта густыми комьями снежного бурана, налипшими ещё за хижинкой.

Лесники недоумевали: как этот человек оказался здесь незамеченным? Что скрывалось за его загадочным монологом о душе и кому он был адресован? От незнакомца исходила едва уловимая, но тревожная аура словно холодная вода, затянутая тонкой коркой льда. Небезопасность сковывала движения лесников. Они ждали резкого движения, чтобы броситься к топорам и сломить волю Предвестника, но боялись сделать первый шаг.

Спустя некоторое время один из них, представившись Данилой, подошёл к стойке с кочергой и начал греть воду. Достал из кухонного шкафа пакетик чая, разложил по кружкам. Второй лесник с недоумением наблюдал за поведением друга. Наконец, он решился спросить: — Зачем ты пришёл в наш дом, Предвестник?

— Хороший вопрос. Вокруг поля куда я скитался в поисках ответов на вопросы мне представлялся только ваша хижина и я чувствовал что попаду в хорошее место с достойными людьми

вроде вас. И, наверное не прогадал, раз вы меня не закололи топорами или ещё хуже не бросили в этот снежный ад. Рад что вы хорошие!" - воскликнул Предвестник.

Он присел на громоздкое кресло, обитое медвежьим мехом. Шкуры, добытые в недавнем буране, служили не украшением, а защитой от пронизывающего холода.

Лесники мысленно поблагодарили удачу: медведи попались им без лишнего труда, и не пришлось пускать в ход топоры остро наточенные, годные и для рубки вековых дубов, что росли вокруг. Древесина этих деревьев ценилась в здешних деревнях её перевозили за сотни километров на юго-запад, где продавали в города.

Кресло скрипело под тяжестью Предвестника и под грузом времени, когда его создавали. Некоторые детали выглядели древнее остального: видно, работа была не единожды подновлена. От кресла доносился запах леса хвойная смола, едва уловимый дух сырых шкур и древесной золы. Будто сама хижина шептала историей через эту мебель.

В углу потрескивал камин. Огонь лизал дрова, рассыпая искры, и наполнял пространство мягким теплом. Древесные стены, казалось, дышали в унисон с пламенем, отдавая накопленный за годы аромат сушёного дерева.

Один из лесников с удовлетворением заметил, что медведи пришились как нельзя кстати: запасная шкура отлично подойдёт для старого кресла добавит ему уюта и сохранит тепло. Другой, напротив, вздохнул: жаль, что столь прекрасные создания природы стали добычей человека, вынужденного брать у леса то, что необходимо для жизни.

Но в одном оба были единодушны: они рады вернуться домой с чем-то более ценным, чем деньги. Для одного это опыт, для другого — мех.

В этот момент чайник на конфорки звонко засвистел: чай закипел.

Глава 2: Воспоминания минувших лет.

Медсестра подошла к выходу и открыла дверь маленькой девушке лет тридцати одного, в темном платице и с платком на голове. Та шагнула внутрь и, обняв медсестру, зашептала ей в плечо, словно молитву:— Боже, храни всех моих... Боже, храни...Повторив это еще несколько раз, она отстранилась и взглянула на нее украдкой. Медсестра увидела слезы на побледневшей коже и почувствовала запах — странный, застоявшийся, как вода из темного пруда. Странно, подумала она, раньше этот запах был незаметен. Впрочем, здесь, у самого порога, это уже не имело значения. Те, кто уходят за порог хосписа, больше не принадлежат им — отныне их судьбами распоряжается лишь Господь Бог. И только Он решает, когда бедной, измученной жизнью даме настанет черед уйти. Жизнь этой девушки сформировалась жестоко. Память хранила тяжесть отцовской ладони и бабушкиных кулаков, но синяки на ее теле всегда заживали быстро, а на смену им приходила покорность — лучшее успокоение для них. Скорбная душа, однако, помнила их светлыми людьми. Теперь всё в прошлом, и вспоминать об этом не хочется. Нужно просто течь своим чередом, словно вода в реке, что смирно несет свои воды к океану, чтобы раствориться в огромном пространстве без остатка. Она долго ждала своего черед в хосписе, но он всё не приходил. Все ее друзья и соседи по несчастью, думалось ей, уже давно пребывают в лучшем из миров и сейчас делят с Богом ту радость, которую Он обещал ей во снах. В тех снах Он называл ее великолепной дамой, увлекательной поэтессой и нежной леди, с которой непременно потанцует в конце времен. Однако Бог даровал ей еще немного времени. Прошел уже год с первой записи в дневнике, и последняя была сделана сегодня утром. Часы показывали начало первого. Пора домой, увидеть семью. Будут ли они рады? Впрочем, они уже прислали письма, полные слов о примирении и надежде на скорую встречу. Но ее это уже не волновало. Всё в ее жизни прошло, и жить осталось не так уж много, раз ее отпустили. Выйдя на улицу, она почувствовала странное, немного пугающее чувство. Весь мир казался бранным и ненужным. Пора забыть и ехать. Она подняла руку, и почти сразу возле нее остановилось желтое такси. За рулем сидел молодой парень. Приветственно взмахнув рукой, он улыбнулся. От него пахло бритвой и чем-то весенним, будто лихорадкой. Она села в машину, и они тронулись на север, к ее дому.— А как вас зовут? — спросила поэтесса, поправляя козырек кепки, а затем, чуть претенциозно, надела солнечные очки. В салоне царила полутьма. Окна были наглухо затонированы, воздух, нагретый ультрафиолетом, был спертый и душным. К духоте примешивался запах пота, и это лишь усиливало давящее чувство. Она закрыла глаза, пытаясь представить свой дом на окраине города — мягкое кресло, квадрат аккуратной лужайки, пушистой, как одуванчик. Когда-то ее семья делала из одуванчиков вино. Она перевела взгляд на водителя. Молодой, но, видно, опытный. Шелковистая борода, серые глаза, и шрам, который почти скрывала тень от козырька.— Цифелюр, мадам, к вашим услугам, — ответил шофер мягким, почти женственным голосом. Он понравился ей в первые же секунды. Простое знакомство, дань безопасности — чтобы знать, кого назвать, если случится трагедия.— Я Грация. Полина-Грация. Рада знакомству, — она улыбнулась в ответ искренне, думая про себя, что он, быть может, лучше, чем все остальные. Порыв холодного воздуха из вентилятора вернул ее к реальности. Она отвернулась и потянулась к сумочке. Нужно позвонить родным, сказать, что скоро придет. Дорога неблизкая — три часа через несколько городков. Все, кто обещал приехать, жили в часе, от силы в полутора от ее дома. Они успеют. Это будет своего рода праздник. Но ей было не до смеха. Онкология не ушла, она осталась, приказав ей долго жить. Она достала телефон, но звонить не стала. Отложила в сторону и вновь посмотрела на водителя.— Почему вы предлагаете мне погостить у вас? Я не просила этого, — смущенно спросил вдруг Цифелюр, поправляя зеркало заднего вида. Грация вздрогнула, поняв, что последнюю мысль, кажется, пробормотала вслух.— Простите... Я не хотела ничего плохого. Просто... прийти одной в дом, где все ждут

моей кончины, — она запнулась, подбирая слово, — страшно.— Извините, что изливаю вам душу, — продолжила она тише. — Мне больше некому. Я одна. Все мои друзья и близкие уже в другом мире.— Нет, что вы, рассказывайте, — мягко ответил Цифелюр. — Всё останется между нами, я обещаю.— Вы и вправду выслушаете смертельно больную женщину? — грустно усмехнулась Грация.— Вы не похожи на смертельно больную, — он улыбнулся в зеркало. — Просто на слегка выросшую копию самой себя.— Мне сказали, что время для хосписа кончилось, — заговорила она, глядя в окно. — Пора ехать домой и доживать отпущенные месяцы. Сказали, документы портят всю хронологию, и переписывать их — слишком сложно. А еще сказали, что близкие будут лучшей эмоциональной поддержкой. Но все мои друзья умерли. Одинокими. Я и сама чувствую себя одинокой в кругу своей семьи. Я не видела их больше трех лет. За окном проплывал серый, унылый пейзаж. Где-то у обочины разбили шатер, накрытый на заржавевший столбец. Каркас его служил щитом проводам, убегавшим далеко вверх, к фонарям. Один из них тускло мерцал в разбитое окно, и его свет смешивался с тенями полотна и дождя. Облака просели так низко, что, казалось, накрыли собой дома и улицы на сотни метров вокруг. Ливень хлестал как бешеный. Машина остановилась у обочины, почти у самого подъезда. Грация открыла дверцу и еще раз взглянула на водителя, снова приглашая его зайти к ней. Но он лишь покачал головой, чуть дернув бровями. Она закрутила платок потуже и побежала короткими, быстрыми шагами к подъезду. Цифелюр попытался завести машину, но та не слушалась. Возившись с ключом, он случайно нащупал под сиденьем зонтик в крапинку. Схватив его, он выскочил под дождь и бросился за ней, чтобы укрыть от хлещущих струй. Он догнал ее у самой двери. Грация уже промокла до нитки. Дождь на мгновение затих, давая им короткую передышку.— Все умирают, — произнесла она, глядя на него. — Это правило, наверное, нерушимое с тех самых пор, как мы осознали себя. Я читала все, что было в библиотеке хосписа. Все жизни, все истории... и думала, будто смогу обмануть смерть. Но ничего не вышло. Она снова посмотрела мне в глаза и злобно ухмыльнулась. Смерть не обмануть. Даже в последние мгновенья, когда счет идет на недели. Я видела старуху, она прошла сквозь меня. И я знаю — даже та старуха доживет свой век. А я — нет. Это шутка, которая убивает меня. Мне очень страшно, и очень больно. Поэтому ты здесь. Поэтому ты рядом. Я не хочу, чтобы они poznали этот груз, — она кивнула на дверь. Цифелюр, выслушав ее, заговорил медленно и глухо:— Грация... я лучше всех знаю роль смерти в нашей жизни. Мне приходилось с ней сталкиваться. В далеком прошлом. Я пытался забыть, но не получалось. И никогда не получится. Смерть не забудешь. Если однажды она встретилась с тобой — даже мельком, даже вдалеке — это навсегда. Мне тоже страшно. Мне тоже одиноко. Всегда было. Он замкнулся в себе, и повисла тишина. Грация взялась за дверную ручку, но замерла. Боль накатила резко, сжав сердце: там, за дверью, ее ждали. Молились. Она посмотрела на Цифелюра. В нем она увидела простого и милого человека, посланного ей судьбой в последний час.— Заходи, — тихо сказала она. — Переоденешься. У меня осталась одежда от отца. Тебе будет как раз. Дверь справа, наверху. Он лишь быстро кивнул и первым скрылся за дверью, поднимаясь по лестнице. А она повернула ручку. В лицо пахло теплом и запахом ужина. На столе, уставленном приборами, лежали телефоны, и на всех экранах горело одно и то же сообщение: «Где ты, мам?» Впервые за долгое время она почувствовала не боль, а что-то, отдаленно похожее на покой. Кто-то ждал ее. Просто так. Она переступила порог. Свет замигал в конце коридора. Он не просто горел — он дышал. Словно само божественное исходило из окна и сигналами подсказывало Полине, куда идти. Луч упал на первую попавшуюся дверь — ту, что напротив. Она направилась к ней. Шаги были тяжёлыми, косыми. Тело не слушалось — Полина то и дело припадала к стене, ловя равновесие и сбитое дыхание. Но свет ждал. В момент, когда она остановилась у двери. Луч света не мигал. Не уходил. Просто держал дверь в своём луче, как держат слово. Она опустила голову и крепко зажмурилась. Ладони сами легли на грудь, она прижала их сильнее, устраивая тело в позу для молитвы — ту, что помнила ещё с детства. Мысли метались, но в

голове оставался только один образ. Шрамы. Его шрамы. Они делали из него не просто человека, а Человека с историей. Незнакомца, которого хочется знать — и если узнать, то мир перевернётся. Навсегда. Да и человек ли он? Цифелюр был кем-то другим. Точно не человеком. Их долгий, почти бесконечный разговор — или беседа, как называл это про себя шофёр, — оказался самым живым за последние годы. Она так долго была одна. В хосписе друзья уходили быстрее, чем она успевала горевать. Она становилась мягкой игрушкой в руках судьбы: должна была выдержать удар, когда хозяин не в настроении, и молчать. Улыбаться. Ждать. Губы зашевелились. Сначала неслышно, потом громче. Она заговорила под нос латинские слова — мощные, древние, те, что сама выбрала когда-то. Молитва прерывалась только на короткие вдохи. Воздуха не хватало. Дверь была плотно закрыта. За ней почти не слышали этих звуков. Почти. Когда полились первые слова, свет из окна погас. А когда она закончила — зажёгся снова, будто выдохнул вместе с ней. Она медленно открыла глаза. Лениво, с усилием. Взгляд метнулся к окну: что там? Лампа? Солнце? Или что-то третье, чему она пока не знала имени? Она не стала гадать. Повернулась к двери и постучала. Через пару мгновений раздался голос: — Сейчас-сейчас. Я открою. Я... я наверное... Голос Полины дрожал. Будто дождь проник в каждый уголок её тела и теперь заражал изнутри простудой. Дрожь была не только от холода — это был отголосок чего-то большего. Чего-то, что началось не сегодня. — Я буду ждать внизу. Возле двери. Чтобы быть... рядом. Когда мы зайдём. Она отвернулась и закрыла лицо руками. Не от стыда — от неловкости. От хаоса в голове. От всех чувств сразу, которые не помещались в груди. Ей хотелось немного поплакать, но слёзы не шли. Только дрожь. Хаос не покинет её ещё долго. Пока она не ляжет одна, не закроет уши наушниками, не включит тихую, приглушённую музыку — такую, чтобы не повреждать ушные раковины. Она всегда берегла слух. Если бы в детстве слушала рок, то давно бы оглохла. «Ещё разок. Просто вдохнуть», — подумала она. Полина раскинула руки в стороны и выпрямилась. Подбородок задрался, глаза упёрлись почти в потолок. И там она увидела рисунок. Чья-то рука — или чьё-то сознание. Внутри — старик. Он тянулся к кому-то. Ладонь была раскрыта, он отодвигал её воздух, пространство, время — и тянулся к оборванному краю обоев. А за краем виднелся кусочек другого рисунка. Неразборчивый. Манящий. Почему она не помнила этого раньше? Они ведь играли здесь с сёстрами. Много лет назад. Этот коридор был целым миром. Неужели время заставило забыть? Или она просто не замечала, проходя мимо — день за днём, год за годом. Но сейчас этот кусочек линии, наполовину скрытой, горел перед ней как яркая звезда. Оторвать. Досмотреть. Вернуться в прошлое и прокрутить его заново. Но зрелая жизнь уже шла своим ходом и затмила детство. Почти ничего не вспомнить. Она повернула голову под углом. Не помогло. Рука сама потянулась вверх. Ещё чуть-чуть. Кончики пальцев почти ухватились за край... Скрип двери за спиной вернул её в настоящее. Полина вздрогнула и обернулась. Ой! — вырвалось у Полины с умилением. На Цифелюре была старая, потрёпанная одежда её отца. И она сидела на нём до странного хорошо: по размеру, по плечам, по тому, как ткань легла на грудь и обтянула спину. Он был подтянут, лишь где-то в поясе чуть выпирал живот — но не грузно, а по-домашнему. Плечи высокие, стройные. А колени — если бы она коснулась их сейчас — наверняка показались бы тёплым бетоном: твёрдые мышцы, сжатые ещё туже от неловкости момента. Она невольно взялась правой рукой за щёку. Глаза снова заслезились. Вторая рука потянулась к нему — почти без спроса. Буря эмоций схватилась за неё мёртвой хваткой. Холодный пот, слабое тело, крепкий ум, который сейчас молчал — всё смешалось. Она перешагнула через себя и сделала полшага вперёд. К нему. К тому, кто сейчас казался отцом. Обман. Она понимала. И всё равно шла. — Прости, — выдохнула она вслух, и голос её дрогнул горечью потери и старой, незакрытой несправедливости. — Ты мне разбил сердце. И его не сошьёшь вновь. Даже если тебя нет со мною рядом. Цифелюр молчал. Он не совсем понимал, что происходит, — но и не отталкивал. Перед ним стояла женщина, в которой слабость и нежность мешались в одно, и это не вызывало отторжения. Только странное, щемящее желание:

обнять и принять. Отрешённую. Отрезанную от мира — не только болезнью, но и чем-то ещё, давним, невысказанным. — Полина, успокойся, — произнёс он тихо. — Всё хорошо. Ты здесь. Ты рядом. Он взял её руки в свои и посмотрел ей прямо в глаза — грустно, открыто. Она увидела: он похож на неё. Его глаза бились в том же ритме, что и её сердце в эту секунду. Она опустила голову ему на плечо. — Я скучаю по нему, — процедила она сквозь зевоту, и тело её наконец обмякло. Несколько минутами ранее. Цифелюр оказался в маленькой комнате. Повсюду были разбросаны одежды, письма, что-то вроде игрушек. Справа, у самого окна, стояла колыбелька, полная цветов — сухих, давно потерявших запах. Над ней висела люстра с подвижными игрушками: теми самыми, что когда-то кружились над младенцем, бывшим хозяином этой комнаты. Теперь они замерли. Время здесь остановилось. В глазах Цифелюра комната казалась живым музеем внутри жилого дома. Присутствие человека всё ещё ощущалось — не физически, а как эхо. Как тёплый след на стекле, который не стирается годами. Он подошёл к окну и склонился над колыбелькой. На дереве были выцарапаны инициалы: «П. Г.». А ниже — стихотворение на латыни. Он прочитал вслух, почти шёпотом: *Quamdiu hic es, ibi ero cum domina crescis et fies. Ero tibi exspiravit. Et qui admodum oporteat interpretaris. Per infinitum vitae horizontem.* А ниже — перевод, выведенный той же рукой: Пока ты здесь, я буду рядом. Когда же вырастишь и станешь дамой, Я буду призраком твоим, Который станет проводником и путеводной звездой По бескрайнему горизонту жизни. — Как прекрасно, — едва слышно произнёс он. Пальцы прошли по буквам — медленно, почти благоговейно. Будто сквозь дерево и годы он ощущал тепло той руки, что вырезала эти слова. Они были сделаны с любовью. С чистой совестью. На века — пока стоит эта комната. Пока кто-то помнит. Он выпрямился и подошёл к шкафу. Присмотрелся к тому, что осталось от хозяина. Выбрал самое скромное — и, странное дело, самое знакомое. Рубашку с воротничком. Длинные штаны в клетку. Он держал рубашку в руках и чувствовал хозяина. Суровый мужик. Длинные густые усы, расчёсанные вниз. Плечи — тяжёлые, привыкшие к нагрузке. И глаза: человека, прошедшего войну, но так и не научившегося прятать мягкость. Особенно — к ребёнку. Глаза выдавали внутреннюю хрупкость. Цифелюр нахмурился. Отвернулся. Подошёл к разбитому зеркалу и долго всматривался в своё отражение. Сквозь трещины он видел их — призраков. Много. Разных. Одни стояли в стороне, другие тянулись к нему. Среди них была девушка. Она улыбалась его виду и прикладывала голову к его правому плечу, раскинув руки вокруг его шеи. Рыжая густая чёлка скрывала брови. Глаза — большие, добрые и такие же грустные. В них было что-то родное. То, чего он не называл вслух уже много лет. Он невольно коснулся плеча. Ничего. Только блёклая имитация. Его собственное сознание рисовало её — но не могло вернуть. Ему её не хватало. Очень. Но он продолжал молчать. Он запретил себе говорить об этом даже шёпотом. Цифелюр отошёл от зеркала, приблизился к входной двери и прислушался. С той стороны доносилась латынь. Похожая на молитву. Женственный гол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.